

Оглавление

Встреча	9
Воспоминания Беллы	13
Совпадение судеб	70
Анель Судакевич	89
Асаф Мессерер	140
Майя Плисецкая	173
МАРХИ	195
Шестидесятые	215
Поварская, 20	246
Начало пути с Беллой	279
Владимир Высоцкий	300
Тонино Гуэрра. Микеланджело Антониони	311
Физики в почете	322
Франция	329
В Америке	372

Последние встречи с Иосифом Бродским	389
Венедикт Ерофеев	407
Булат Окуджава	418
Сны о Грузии	449
Сергей Параджанов	505
“Рисую женщину в лиловом”	548
Даруемое жизнью	565
“Метрополь” и вокруг	598
Василий Аксенов	637
Георгий Владимов	679
Владимир Войнович	697
“Простор, угодный многоточью...”	722
Юрий Петрович Любимов	734
Последнее лето с Беллой	757
“Пишите, если не можете не писать”: Послесловие	797
Слова благодарности	831
Указатель имен	834

*И вот я думаю теперь, что мы не успеваем узнать
свое счастье. Собственно, что такое счастье?
Это и есть осознанный миг бытия. И если ты это
поймешь, то тебе уже довольно...*

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

Встреча

9

ПРОМЕЛЬК БЕЛЛЫ

Старый Дом кино на Поварской. Вестибюль первого этажа. Быть может, он назывался “кассовый зал”. На полу талый снег. Толпятся люди, томящиеся в ожидании предстоящих встреч. Мы тоже слевой Збарским стоим в ожидании кого-то. Дверь постоянно открывается, пропуская входящих. Прекрасная незнакомка как бы впархивает в пространство зала. Она в соскальзывающей шубке, без шляпы, со снежинками на взъерошенных волосах. Проходя мимо, она мельком окидывает нас взглядом и так же мельком шлет нам рукой едва уловимый привет.

— Кто это? — спрашиваю Леву.

— Это Белла Ахмадулина!

Первое впечатление. Сильное. Запоминающееся. Именно таким и останется в памяти. Мимолетно, но возникает чувство влюбленности...

Весна 1974 года. Двор Дома кинематографистов на улице Черняховского, около метро “Аэропорт”. Я гуляю с собакой Рикки, тибетским терьером.

Во дворе появляется Белла Ахмадулина с коричневым пуделем. Его зовут Фома. Белла живет через один подъезд от меня, в бывшей квартире Александра Галича. Белла в домашнем виде. В туфлях на низких каблуках. Темный свитер. Прическа случайная.

От вида ее крошечной стройной фигурки начинает щемить сердце.

Мы разговариваем. Ни о чем. Белла слушает рассеянно. Говорим о собаках.

О собаках, которые далеко не такие мирные, как кажутся сначала. Рикки старается затеять драку. Это ему удастся, и он прокусывает Фоме нос. Капли крови. Белла недовольна. Я смущен. Вскоре она уходит. И вдруг я со всей ниоткуда возникшей ясностью понимаю, что если бы эта женщина захотела, то я, ни минуты не раздумывая, ушел бы с нею навсегда. Куда угодно.

Потом Белла напишет:

В чем смысл промедленья судьбы между нами?
Зачем так причудлив и долог зигзаг?
Пока мы встречались и тайны не знали,
Кто пекся о нас, улыбался и знал?
Неотвратимо, как двое на ринге,
Встречались мы в этом постылом дворе.
Благодарю несравненного Рикки
За соучастие в нашей судьбе...

Между людьми порой происходит что-то, чего они не могут понять сами. Таких встреч во дворе было три. В последнюю из них Белла предложила:

— Приходите через два дня на дачу Пастернака. Мы будем отмечать день его памяти.

Я мучительно представлял свое появление в этом священном для меня доме, имея только устное приглашение Беллы. В семь часов вечера назначенного дня я появился в Переделкине возле дома Пастернака. Ворота были, как всегда, распахнуты. Меня встретил большой рыже-коричневый чау-чау. По морде пса невозможно было прочесть его отношение ко мне. Я направился к дому. Позвонил и вошел. Вокруг стола сидела большая компания. Из гостей хорошо помню Александра Галича, Николая Николаевича Вильям-Вильмонта, Стасика Нейгауза и его жену Галю, Евгения Борисовича Пастернака и Алену, Леонида Пастернака и его жену Наташу. В центре сидела Белла. Гости, кажется, были удивлены моим приходом. Одна Белла радостно воскликнула:

— Как хорошо, что вы пришли!

И в пояснение окружающим добавила:

— Я пригласила Бориса в этот торжественный день и очень рада, что он сегодня с нами.

Мне пододвинули стул и предложили рюмку водки. Мой приход прервал чтение Галичем стихов. Чтение продолжилось. Но вдруг Белла резко перебила Галича и начала вдохновенно читать свое посвящение Пастернаку:

Ожог глазам, рукам — простуда,
любовь моя, мой плач — Тифлис!
Природы вогнутый карниз,
где Бог капризный, впав в каприз,
над миром примостил то чудо...

Стихотворение, прочитанное на одном дыхании, ярко и стремительно, прозвучало как вызов монотонному чтению Галича. Несомненно, его политизированные стихи под переборы гитары Беллу раздражали. Хотя она тут же принялась обнимать и хвалить Галича, стремясь загладить свой неукротимый порыв. Он продолжил выступление.

Вспоминается неожиданная встреча с Беллой на даче драматурга Александра Петровича Штейна и его жены Людмилы Яковлевны Путиевской. Там были мой близкий друг Игорь Кваша и его жена Таня, дочь Людмилы Яковлевны. Я был очень рад снова увидеть Беллу, бросился к ней, мы весь вечер проговорили и решили увидеться в Москве.

Проходит два месяца. Смешанная компания. Мы с Беллой встречаемся в квартире писателя Юлия Эддиса, в доме на углу Садовой и Поварской. Много людей, много выпито вина. Все в приподнятом настроении. Все хотят продолжения вечера.

Вдруг Эддис говорит:

— Ребята, пойдем в мастерскую к Мессереру. Это здесь рядом, на этой же улице.

Неожиданно все соглашаются. Я счастлив. Мы с Беллой возглавляем шествие. Я веду компанию прямо по проезжей части. Улица совершенно пустынна. Идем до моего дома — № 20 на Поварской. Поднимаемся на лифте на шестой этаж, группами по четыре человека. Четыре подъема. У меня много разнообразных напитков. Гости находятся под впечатлением от мастерской. И Белла тоже...

Белла уезжает в Абхазию на выступления. Две недели томительного ожидания. Телефонный звонок, ее голос:

— Я вас приглашаю в ресторан.

И мой ответ:

— Нет, это я вас приглашаю в ресторан.

Мы идем в ресторан Дома кино на Васильевской улице.

Обычно в подобной ситуации я что-то беспрерывно говорю своей спутнице и полностью завладеваю ее вниманием. Здесь все происходит наоборот — мне не удастся вставить ни одного слова.

Мы едем ко мне в мастерскую.

И жизнь начинается сначала. Со своей новой страницы...

В том декабре и в том пространстве

душа моя отвергла зло,

и все казались мне прекрасны,

и быть иначе не могло.

Любовь к любимому есть нежность

ко всем вблизи и вдалеке.

Пульсировала бесконечность

в груди, в запястье и в виске...

Воспоминания Беллы

13

ПРОМЕЛЬК БЕЛЛЫ

Идея записывать, фиксировать свои наблюдения и впечатления укрепилась в моем сознании после того, как совпали наши с Беллой жизненные пути. Если и до этого я встречался со многими интересными людьми, которых правильно было бы вспомнить, то после совпадения с Беллой число таких встреч неизмеримо возросло. Она подарила мне целый круг замечательных литераторов, а я радовался ее вхождению в художественные и театральные сферы. Процесс этот был совершенно органичным, в нем не было никакой преднамеренности.

Я был не сторонним наблюдателем, а участником этой безумной, но счастливой жизни. У меня всегда было много друзей, общение с которыми занимало значительную часть моего времени. Но главным жизненным инстинктом стало стремление хранить и беречь Беллу, ограждать ее. Сразу после впечатления от ее красоты и фантастической одаренности я разглядел некую черту гибельности натуры, уязвимость и незащищенность Беллы, как человека, не приспособленного к бытовой стороне жизни.

Рассказ о человеческих взаимоотношениях и событиях нашей общей жизни — не главное для меня в этой книге. Важнее образ самой Беллы, который я хотел бы донести до читателя.

Пусть говорит и сама Белла, чтобы читатель снова был увлечен ее изумительной, неповторимой интонацией, заворужен гипнотиче-

ским влиянием ее речи. Я старался записывать на диктофон многое из того, что она рассказывала, когда удавалось это сделать. К более ранним и удачным записям относятся описание поездки Беллы во Францию в 1962 году, воспоминания о Твардовском, об Антокольском, о Высоцком.

Возникшее у Беллы желание рассказать о своем детстве, о своем происхождении, о пребывании в Казани в годы войны, замечательные рассказы о целине стали записями 2010 года.

Хроника жизни, проявляющаяся в расшифрованных с диктофона текстах, относится уже к самому последнему времени, когда я постоянно ее записывал.

Белла говорила все это не для записи, а просто разговаривая со мной. Когда эти беседы были расшифрованы и легли на бумагу, то, перечитывая их, я заново понял всю безмерность таланта Беллы.

Я старался максимально достоверно излагать факты, точно указывать даты, места событий, участниками которых мы были, оставляя Белле простор для лирических оценок и просто для того, чтобы ее голос звучал с этих страниц.

Именно поэтому я и считаю правильным начать с рассказа Беллы о детстве, о жизни в эвакуации и о первых шагах в поэзии. И лишь потом дам слово себе, чтобы описать время, в котором мы жили, череду встреч с людьми, с которыми мы дружили.

Постоянное выражение скорби

Осталась где-то жалкая, убогая фотография: две унылые женщины — это мать моя, моя тетка, — а вот в руках у них то, что они только что обрели, то, что появилось на свет в апреле 1937 года. Есть ли фотография сейчас, я не знаю, но я ее хорошо помню. И это жалкое существо, и эти две несчастные женщины, а впрочем, тогда добрые, думающие, что они обрели что-то хорошее, — все ошибаются, все трое. Они не обретут в себе то, что умеют обретать счастливые родители, это уже видно по крошечному и какому-то несчастному лицу. Знает ли это мало сформированное несчастное личико, что же предстоит, что же дальше будет? Всего лишь апрель тридцать седьмого года, но вот этому крошечному существу, этому свертку, который они держат, прижимают к себе, как будто что-то известно *о том*, что творится вокруг. И довольно долгое время в раннем, самом раннем начале детства меня осеняло какое-то чувство, что я знаю, несмотря на полное отсутствие возраста, что я знаю что-то, что и не надо знать, и невозможно знать, и, в общем, что выжить — невозможно.

Но все-таки как-то этот кулек разворачивается. Ну, конечно, есть еще обожающая бабушка, да и тетка, которую все время влекло в какие-то подвиги. Она их, собственно, и совершала непрестанно, сначала человеческие, потом военные, потом просто спасая каких-то животных, каких-то людей. Ну да, этого пока они ничего не знают, и впечатление, что именно тот, вот этот никудышный, которого совсем не видно, лицо сморщенное, что он знает, что он осенен каким-то горем, которое совершенно ему не по росту, не по судьбе.

Но что же он так печален, все-таки он как-то подрастает, все-таки жизнь, хоть и убогая вокруг, но все-таки она его растит, питает. И только вот эта постоянная, невероятная грусть, которая обращала внимание и родных, и людей. Что, откуда такая грусть? Но на каких-то фотографиях это отразилось. Впоследствии мне придется расшифровывать и разгадывать это постоянное выражение скорби, которое не присуще все-таки столь малому и ничтожному младенцу. Но помню, отчетливо помню.

Уже мне какое-то малое время есть. Чем-то пытаются утешить, хоть и утешать-то нечем. А вот сажают на лягушку, которая, наверное, до сих пор стоит, такая большая лягушка в Парке культуры. Это повергает меня просто в отчаяние, то есть эта лягушка, ее несчастное положение, мое с ней соединение — отчаяние.

Вот выставка, и я это хорошо помню, и мне говорят, что это — праздник, это — выставка, я ничего не отвечаю, но мне дают виноград, который называют “дамские пальчики”. Ужас этих пальчиков, как будто раненых, тоже приводит в отчаяние. В общем, это как бы неестественное поведение для ребенка, у которого нет прямых несчастий, все-таки родные есть.

Ну, может быть, я потом думаю, во-первых, в этом доме, в первом доме, в котором я жила в совершенно малом возрасте, этот дом почему-то назывался Третий Дом Советов, там жил Феликс Светов, изумительный человек был, но тогда я не могла его знать, он был старше меня на десять лет. Он был замечательно добрый, благородный человек и очень смеялся потом, когда вспоминал меня, потому что он говорил: я помню, что какая-то ковыряшка там копается в песке. Заставляли в песочнице искать каких-то наслаждений. Ему выпало очень мало радости вначале: когда ему было десять лет, родители его были арестованы. Я этого не могла тогда знать, но это только одна, одна милая фигура, которую я сейчас с любовью вспоминаю, а его нет сейчас уже в живых. Не могла я этого знать, но этими фигурами было населено очень обширное пространство, и, может быть, беспомощное существо крошечное